

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное
автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Новосибирский национальный
исследовательский государственный
университет»
(Новосибирский государственный
университет, НГУ)

ул. Пирогова, д. 2, Новосибирск, 630090.
Тел. (383) 330-32-44. Факс (383) 330-32-55.
Адрес в интернете: //www.nsu.ru
E-mail: rector@nsu.ru

22 ЯНВ 2015

№ 122/214

на № 31016/38 от 14.01.2015

«УТВЕРЖДАЮ»
Ректор ФГАОУ ВО
«Новосибирский национальный
исследовательский государственный

университет»

д. ф. н. профессор

М. П. Федорук

14 января 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации
на диссертацию Соповой Светланы Петровны
«Повесть А. П. Чехова “Скучная история” во французской рецепции»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – Русская литература

Диссертационное исследование С. П. Соповой посвящено проблеме художественного восприятия произведения в иноязычной культуре.

Актуальность диссертации обусловлена обращением к проблемам художественного восприятия и интерпретации текста и компаративистики.

Научная новизна диссертации С. П. Соповой заключается в том, что впервые осуществлен концептный анализ повести А. П. Чехова «Скучная история» и рассмотрены ее переводы на французский язык в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Достоверность полученных автором научных результатов подтверждается использованием репрезентативного корпуса выпедших во Франции литературно-критических работ, посвященных творчеству А. П. Чехова, анализом трех авторитетных переводов повести «Скучная история» на французский язык, а также привлечением выводов современного отечественного чеховедения относительно мотивно-концептуального содержания повести.

Теоретическая значимость рецензируемой диссертации заключается в изучении литературно-герменевтической проблемы восприятия художественного текста в иноязычной среде и, кроме того, расширении спектра связей региональных литератур.

Структура диссертации отражает последовательность решения стоящих перед автором научных задач. Основное содержание работы изложено в двух главах, первая из которых посвящена функционированию концепта «скука» и выяснению его семантического наполнения в исследуемой повести А. П. Чехова, а вторая – практике переводов повести на французский язык и их научному анализу.

Во **введении** диссертант обосновывает актуальность и новизну исследования, ставит его цель и формулирует задачи.

В качестве основного метода исследования С. П. Сопова использует концептный анализ, «направленный на выявление концептного “каркаса” художественного текста,

который обуславливает его предметно-смысловое содержание, организует его структуру и формирует... словесно-образное наполнение» (С. 7). Приводится краткая история термина «концепт» (С. 8–12). Вместе с тем, исходя из определения *предмета* исследования: «Реализация концепта *скука* в чеховском произведении и во франкоязычных переводах повести» (С. 18), – заглавие диссертации получило бы должную полноту, если бы отражало ее «концептную» направленность. Например, можно было снабдить титул подзаголовком «Функционирование концепта “скука” и его семантических коррелятов во франкоязычных переводах повести А. П. Чехова...».

Мотивы, в качестве трансляторов базовых концептов повести, осмысляются диссертантом как «средство реализации центрального для повести концепта» (С. 12), что, в общем, оправданно для решения задач данного исследования. На номинативный и, в конце концов, онтологический статус мотива в таком понимании указывает применение термина «словесный мотив» (С. 13), синонимичного «ключевому слову». Динамический предикативный аспект мотива в этом случае редуцируется, что отчасти обедняет поэтологический анализ, но вполне релевантно передает структуру произведения.

Заметим, что высказывание о родственности чеховской прозы экспрессивно-эмоциональным видам искусства (С. 13) – поэзии и музыке – остается без продолжения. На наш взгляд, оно получило бы дальнейшее развертывание в фиксации ассоциативно-когнитивных особенностей слова, что соответствует избранному в диссертации подходу к поэтике повести.

Во введении также прослеживается история восприятия Чехова во Франции на рубеже XIX–XX вв. и в первой трети XX в. (С. 15–17) и указывается степень разработанности темы диссертации. Эти наблюдения вполне убеждают в новизне предпринятого С. П. Соповой исследования.

В *первой главе* «*Скука как ключевой концепт в повести А. П. Чехова “Скучная история”*» рассматривается заглавный концепт как маркер русской национальной концептосферы, а также выясняется место концепта *скука* в концептуальной архитектонике повести.

Раздел 1.1. «Национально-художественное своеобразие концепта скука в русской культуре» посвящен определению объема и содержания данного концепта. Привлекая материал толковых и этимологических словарей, соискатель устанавливает семантическое поле концепта (С. 27–33). Отметим досадную неточность в ссылке на словарную статью Е. В. Урысон – склонение фамилии в мужском роде (С. 28, автореферат – С. 11). Подчеркивается, что «смысловое пространство концепта *скука* во время написания чеховской повести варьировалось от отсутствия интереса к окружающей действительности до связи со смертью, что делало это понятие также предметом философской рефлексии» (С. 33).

Затем устанавливается роль изучаемого концепта в художественном универсуме А. П. Чехова. Исследовательница констатирует, что «*скука* составляет обязательный, необходимый фон многих произведений Чехова» (С. 35). Кроме того, семантическая универсалия скуки в творчестве писателя приобретает «явную экзистенциальную наполненность» (С. 36) – общенациональный культурный концепт встраивается в смыслопорождающую динамику чеховского повествования.

Раздел 1.2. «Семантическая составляющая концепта скука в повести “Скучная история”» начинается с анализа имени повести. Диссертант справедливо утверждает, что в заглавии повести «доминирующую роль... играет рецептивная» интенция (С. 38), а составляющие его понятия «история» и «скука» двойственны (С. 38–40). С. П. Сопова отмечает, что смысл названия чеховской повести соотносится с заглавием романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» (С. 40). Однако Чехов наделяет свою повесть философско-экзистенциальным значением, присущим зрелым произведениям писателя и – шире – всей эпохе «конца века» с ее философским скептицизмом и сменой ценностных ориентиров.

Заслуживает внимания последовательность описания семантических вариантов чеховской универсалии «скука»: однообразие, отчуждение, экзистенциалы: тяжесть, страх

и т. п. В таком порядке, отражающем усиление бытийного одиночества чеховского персонажа, анализируется как система «словесных мотивов» повести, так и степень соответствия французских переводов оригиналу (гл. 2).

В *разделе 1.2.1. «Реализация семантики однообразия»* автор диссертации изучает контаминации мотивов одинаковости, обыкновенности, постоянства, привычности и пр., составляющие гипермотив повести – скуку-однообразие. Монотонное течение жизни старого профессора, неизменность его бытования выражаются посредством словосочетания «одно и то же» (С. 43), лексем с основами «обыкновен-», «обычн-» (С. 44–45). Также рассматриваются наречия «непременно», «часто», «постоянно» и наречное словосочетание «по привычке», существительные и глаголы с корнем «привык / привыч» (С. 47–49).

Прослеживается ироническое словоупотребление атрибутов «необыкновенный», «необычайный» (С. 45–46). Детерминант «всегда» наполняется значением однообразия как постоянства (Н. В. Капустин) и вечности мира (Н. Е. Разумова) (С. 46–47).

Значение однообразия достигается в повести А. П. Чехова и при помощи глагола «знать» (С. 51). Собственно, такое знание о привычном уничтожает смысл познания, стирает разнообразие жизни. Представляет интерес употребление наречия «вдруг» как сигнификата однообразия (С. 52). По наблюдению С. П. Соповой, начиная с пятой, кульминационной главы повести «вдруг» приобретает свойственную ему семантику неожиданности и непредсказуемости (С. 52), однако и эта семантика «гасится» инерцией «скучной жизни» профессора. Длительность однообразия выражается наречиями «давно» и «долго» (С. 53–54).

Из визуальных образов вычленяется серый цвет, передающий неизменность жизненного уклада персонажей; отсутствие цвета – бесцветность; психологическое восприятие цвета – мрачность (С. 54–55).

В конце раздела делается вывод о том, что «семантика однообразия, реализуемая целым рядом лексических мотивов, воплощает повторяемость, “ритуальность” быта», что вызывает у героя «тяжелый мировоззренческий кризис» (С. 55, 56).

Переход от «внешних» факторов этого кризиса – однообразия – к внутреннему самоощущению героя требует рассмотрения семантики отчуждения (*раздел 1.2.2. «Реализация семантики отчуждения»*). Ведущим мотивом, передающим семантику отчуждения, становится мотив равнодушия («равнодушный», «скучающий», «не чувствуя желаний» и т. п.) (С. 57–58). Немаловажен такой мотив-транслятор состояния отчуждения, как лень / лежание и его субстантивное производное – лентяй (С. 59–60). Автор диссертации отмечает, что в первоначальном варианте повести семантика отчуждения была усилена самим заглавием, предполагающим раздвоение самовосприятия рассказчика: «Мое имя и я». Разделение известного имени и его носителя – немощного человека – остается в повести сюжетогенным мотивом (С. 60). Возникает мотив «чина» (С. 61), разделяющего кажимость и сущность человеческого существа. К демонстрации «оболочки» (чина, имени) примыкает мотив машинальности (С. 62), автоматизма действия персонажа.

Использование чужого слова – цитирование свидетельствует о стилистической оформленности мотива отчуждения (С. 62–63). Отчуждение выражается и в одиночестве (С. 63–64) – как сюжетном, так и эмоциональном (угрюмость, апатия – С. 64). Эмоция отчуждения прослеживается и в ложной коммуникации (С. 65), и в заглавном мотиве скуки (С. 66–68). Диссертант отмечает маркированность мотивом отчуждения не только главного персонажа, но и Кати (С. 68). Мотив отчуждения в его соотнесенности с ведущим мотивом скуки подготавливает восприятие экзистенциального уровня текста.

Раздел 1.2.3. «Экзистенциальные мотивы в повести» содержит наблюдения над глубинной семантикой повести. Взаимосвязь и взаимопереходность мотивов тяжести, страха, бессонницы, холода, тишины, старения, смерти и, наконец, «общей идеи» формирует в поэтике повести экзистенциальный мотивный комплекс, без которого не состоялось бы рассказанной истории как таковой. Так, в кульминационной 5 главе повести бессонница сопряжена с темнотой и страхом (С. 72–73), а мотив холода,

выраженный как в физическом ощущении прохлады, так и в психологическом отчуждении, часто сопровождается мотивом тишины (С. 73–74). Причем последний мотив подвержен чередованию с родственным ему мотивом молчания. Диссертант уделяет внимание различию тишины и молчания как разных степеней «неслышности / неслышимости» чеховских персонажей.

Диссертант справедливо полагает, что бытийная проблематика произведения развертывается из противопоставления материально-телесной и духовной субстанций человеческого существования, – автор повести лишь генерализирует частный случай (С. 70, 84). Появляется концептуальный для Чехова мотив «общей идеи». Анализ этого, одного из важнейших понятий чеховской концептосферы, приводит соискателя к солидарному с мыслью А. С. Собенникова выводу о постижении «общей идеи» только в личном опыте (С. 83). Отметим, что фрагмент раздела 1.2.3. о содержании понятия «общая идея» выявляет достаточно полный спектр его возможных трактовок (С. 83–86). Подчеркивается потенциально «переворачивающая» иерархию выстроенного в повести мира смысловая оппозиция «скучная история» – «общая идея» (С. 84). С. П. Сопова не оставляет без внимания и негативно коннотирующее «общую идею» созвучие с «общим местом» (С. 86). Так «скука» возвращается в финале повести на круги своя, приобретая значение «тоски», бытийной эмоции, наполненной «стеснением духа, томлением души, <...> скорбью» (В. И. Даль).

В конце главы делаются промежуточные выводы, касающиеся значения концепта «скука» и его семантических производных в концептной структуре повести А. П. Чехова. Конституирующая роль указанного концепта в художественно-семиотическом пространстве произведения, как выяснится во второй главе, не всегда находит адекватное воплощение в переводческой практике.

Вторая глава «Переводческая и критическая рецепция повести А. П. Чехова “Скучная история”» выстроена по принципу сравнительного описания трех разных переводных версий, в которых отслеживаются лексико-семантические репрезентации выделенного ранее «матричного» концепта и его производных.

Глава начинается с историографического очерка рецепции А. П. Чехова во Франции (2.1. *«Творчество А. П. Чехова во франкоязычном восприятии»*). Современники писателя не постигли его подлинной глубины, хотя наблюдения Ж. Легра и А. Бонье касаются таких черт чеховской манеры, как сочетание трагического и юмористического модусов или тяготение к экзистенциальным вопросам (С. 91–93).

Отмечается статья-некролог Дени Роша, одного из первых переводчиков Чехова, постановки чеховских пьес в начале 1920-х гг., культурное значение публикации полного собрания сочинений писателя.

Появление монографий французских критиков в послевоенные годы ознаменовало новый этап освоения чеховского наследия. Ж. Фужер в книге о новеллистическом жанре отмечает ослабление сюжетности у Чехова (С. 99), Д. Жиллес в объемном справочнике о творчестве писателя пытается соединить умоностроение героя «Скучной истории» со смысложизненной персональной интенцией самого автора (С. 101–102). Диссертант отмечает недочеты книг о Чехове Э. Триоле (С. 99–101) и Э. Александр (102–103): поверхностный биографизм первой и столь же поверхностный психоанализ второй.

Роль эссе Л. Шестова «Творчество из ничего» оказывает значительное влияние на восприятие франкоязычной критикой чеховской антропологии, констатирует соискатель (С. 105–106). Рост интереса к Чехову в 1980–1990 гг. и прошедшие в 2010 г. юбилейные мероприятия, посвященные 150-летию со дня рождения писателя, не отменяют того факта, что повесть «Скучная история» «еще не получила во Франции полноценного осмысления» и что принятое во французской критической мысли прочтение повести трактует главным образом идеологическую связь «автор – персонаж» (С. 110). Таким образом, чеховский дискурс пока недоступен во всей своей полноте французскому читателю, что, в свою очередь, обусловлено концептуальными лакунами существующих переводов.

Далее исследовательница обращается к общей характеристике трех основных переводов «Скучной истории» на французский язык (*раздел 2.2. «Франкоязычная переводческая рецепция “Скучной истории”»*).

Опыты Д. Роша являются единственными авторизованными переводами Чехова во Франции. Работа переводчика была систематической: он перевел все прижизненное собрание сочинений писателя, выполняя одновременно и просветительскую задачу. С. П. Сопова отмечает роль Роша в осуществлении культурного диалога между двумя странами (С. 116).

Переводы Б. Шлецера произведений русской литературы XIX – первой трети XX вв., несомненно, расширили область межнациональных литературных связей, однако главной заслугой этого литератора можно, по-видимому, считать популяризацию философских воззрений Л. Шестова. Увлечение философией этого русского экзистенциалиста привело Шлецера к более глубокому, по сравнению с Рошем, пониманию потенциальных смыслов «Скучной истории» (С. 117). Попытка самого Шлецера написать роман-дневник, главным субъектом которого стал престарелый человек с расстроенным сознанием, также отсылает к чеховской повести (С.117–118).

Наконец, перевод Э. Парейра можно отнести к образцам модернизованных переводов, когда устраняются свойственные оригиналу и переводам Роша и Шлецера архаизмы и литературность речи (С.188). Замена грамматически безупречных выражений разговорными привела не только к «облегчению повествовательного языка» (С. 188), но и к востребованности данного перевода французской аудиторией: Парейр поместил свой перевод «Скучной истории» как в 12-томное собрание сочинений писателя (1965), так и в 3-томное издание Чехова (1967–1971) (С. 119).

В конце раздела соискатель разъясняет неизбежные грамматические и семантические потери при переводе источника с русского языка на французский, например, ослабление эмоционально-экспрессивной лексики, снижение оценочности, передаваемой посредством суффиксов, и т. п. (С. 120–122).

В *разделе 2.3. «Eppui как французский аналог русского концепта скука»* диссертант устанавливает наибольшее соответствие русскому понятию «скука» во французском *eppui*. В диссертации приводятся две таблицы, в первой из которых сравниваются французские словарные эквиваленты «скуки» *eppui* и *lassitude* по способности передавать заключенные в русской лексеме оттенки значений, а во второй приводятся другие французские слова, при помощи которых можно осуществить перевод русских слов «скука» и «скучный» (С. 123–124). На основании этих таблиц выделяется лексема *eppui* как обладающая многими семантическими признаками «русского» понятия «скука».

Справка о мнении психолога Э. Тардьё по поводу приверженности французов эпохи «конца века» состоянию скуки (С. 125) и эволюции содержания этого понятия во французском языке (С. 125–126) необходима для того, чтобы указать культурно-исторические предпосылки рецепции «Скучной истории» во Франции.

Особенно заметна некоторая близость чеховскому контексту как представления, так и сюжета о скуке жизни в романе А. Франса «Преступление Сильвестра Бонара» (С. 126–128). С. П. Сопова, тщательно сравнив оба произведения по степени проявления в них состояния скуки, приходит к выводу, что экзистенциальный трагизм мироощущения героев чеховской повести разнится с социальной интенциональностью героя в финале романа А. Франса. Этому способствует разница в смысловом объеме русского «скука» и французского «*eppui*» (С. 129). Такой же вывод следует из наблюдений над словоупотреблением в романе Ж.-П. Сартра «Тошнота» (С. 129–130).

Исследовательница приходит к заключению о культурно-языковых различиях в наполнении концептов «скука» и *eppui*. Поэтому перевод на французский язык произведения, уже в своем заглавии отсылающего к русской ментальной культуре, представляет немалые трудности.

Раздел 2.4. «“Скучная история” в переводах Д. Роша, Б. Шлецера и Э. Парейра» выстроен в соответствии с обоснованной в 1 главе логикой дифференциации базового

понятия «скука». Изучаются переводы заглавия (2.4.1.) и репрезентация семантики однообразия (2.4.2.), отчуждения (2.4.3.), экзистенциалов (2.4.4.).

Общее сравнение переводов позволяет признать переводы Шлецера и Парейра более удачными, нежели перевод Роша (С. 136), хотя все три опыта во многом утрачивают заложенную в оригинале ироничность повествования («Николай Степанович такой-то», «величают», «И прочее, и прочее», «И т. д., и т. д.», «упоминать все») (С. 133–136).

Что касается переводов *заглавия*, то Д. Рош и Э. Парейр озаглавливают свои переводы «Une banale histoire», а Шлецер – «Une morne histoire». Если первый вариант отражает семантику тривиального, обыкновенного, то второй несет значение «мрачный, угрюмый... неинтересный». Однако как Рош, так и Парейр, вынеся в заглавие слово «банальный», в тексте своих переводов его не повторяют, что существенно редуцирует ведущий мотив скуки. Перевод заглавия чеховской повести у Шлецера, напротив, необоснованно выдвигает мотив уныния в качестве доминирующего. В целом этот подход оказывается ближе к авторской интенции (С. 139, 180).

Похожие смысловые ошибки допускаются и при переводе подзаголовка произведения. Подзаголовок «Из записок старого человека» в двух переводах стал «Отрывками из воспоминаний / дневника...» (Рош и Парейр), в третьем – «Из дневника...» (Шлецер). Разумеется, записки и дневник, хоть и являются близкими жанрами, не идентичны. Не углубляясь в различие этих жанров, отметим очевидное: в «Скучной истории» рассказчик подводит итог жизни, и мемуарно-импрессионистичный характер его записок не тождествен хронологической фиксации текущих событий в дневнике.

На основании проведенного анализа соискательница справедливо утверждает, что «в целом ни один из переводчиков не справляется с адекватным воспроизведением заглавия повести» и каждый из них представляет «тот вариант имени текста, который соответствует их пониманию повести» (С. 139, 140).

Семантика *однообразия* передается в переводе Роша при помощи слов «монотонный», «обычный», «привычный», «ординарный»; «всегда», «в любом случае», «каждый раз» и т. д.; в результате мотивика чеховской повести «распыляется», дробясь на мелкие лексико-мотивные группы, и в то же время происходит усиление, по сравнению с оригиналом, мотива однообразия-неизменности (С. 146).

Шлецер использует слово «uniforme», что довольно точно передает чеховское «единообразие» (С.146), зато важный мотив «обыкновенности» распадается на множество «синонимических» выражений, размывающих семантику данного мотива (С. 146–147). Шлецер при переводе «злоупотребляет» словом «вообще», и это впоследствии снижает крайне важное для Чехова понятие «общая идея» (С. 148). В целом же, заключает диссертант, «семантика однообразия в переводной версии Шлецера в сравнении с оригиналом ослабевает» (С. 151)

Парейр использует для передачи семантики однообразия слова «monotone», «d'habitude» и др. По наблюдению С. П. Соповой, Парейру «удаётся наиболее полноценно в сравнении с другими переводчиками передать семантику однообразия, формирующую одну из важнейших составляющих концепта “скука / скучный” в оригинале повести» (С. 154). Однако все три переводчика достаточно произвольно толковали словесный мотив однообразия, изначально проигнорировав мотивную архитектуру повести (С. 155).

Аналогично семантике однообразия – размыто – проявляется в переводах семантика *отчуждения*, выраженная словами-мотивами «равнодушный», «лень / лежание», «жаловаться», «заботы», «дрязги» и т. п.

Рош «крайне невнятно воспроизводит данную грань смысла оригинального произведения» «из-за практически полной утраты ее (семантики) проблемной основы, которая заключена в мучительном... противоречии между материальной и духовной сторонами человека» (С. 160). Шлецер успешнее справляется с передачей семантики отчуждения, сохраняя ее мотивную целостность (С. 163). Парейр, так же, как и предыдущие переводчики, ослабляет в семантике отчуждения важнейшую ее составляющую – скуку (С. 164).

Анализируемые в диссертации переводы не смогли адекватно передать семантику отчуждения по двум причинным, подытоживает диссертант: из-за «недопонимания переводчиками чеховской повести в ее структурно-смысловом единстве» и из-за «языковых особенностей, ... разного семантического потенциала русских и французских слов» (С. 165).

Последний параграф работы (2.4.4.) посвящен переводам *экзистенциальных* словесных мотивов «Скучной истории» на французский язык. Главный концепт повести – «скука» – реализуется, помимо указанных мотивных дериваций однообразия и отчуждения, в комплексе экзистенциальных мотивов-состояний: страх, тяжесть, молчание / тишина и «общая идея». Диссертант напоминает о семантической разнице между понятиями молчания и тишины (С. 168–169). К сожалению, все три переводчика не учли этой разницы и их переводы утратили подразумеваемое в «тишине» значение бытийного одиночества (С. 168–169, 173, 177–178).

Похожая участь постигла перевод концепта «общая идея». Рош редко использует наиболее подходящее к выражению «общности» слово «commun», прибегая к лексическому варианту «general(e)», который существенно расширяет чеховское понятие «общей идеи» (С. 170). Остальные переводчики, хоть и обращаются к переводу «commun», «общую идею» переводят единообразно: «idee generale» (С. 174, 179).

В конце главы следуют выводы: все три переводчика недооценили мотивно-концептуальную составляющую поэтики «Скучной истории». Вследствие этого перевод Роша «овнешвляет» бытийную коллизию повести; перевод Шлецера тоньше – семантика заглавия, мотивы отчуждения и экзистенциальных состояний переданы в нем достаточно точно; в переводе Парейра, при сохранении близких оригиналу смыслов «однообразия» и «отчуждения», происходит ослабление экзистенциальной мотивики (С. 180–181). Таким образом, перевод Шлецера признается наиболее семантически полным (С. 181).

Заключение диссертации содержит ее основные выводы. Подтверждается важность входящего в русскую языковую картину мира концепта «скука» для художественной парадигмы Чехова; устанавливается его философско-экзистенциальное наполнение; рассматривается история восприятия Чехова во Франции. Сравнение трех переводов повести «Скучная история» на французский язык позволило констатировать их главный – смысловой – недостаток: отсутствие понимания концептуально-мотивного единства повествования. К перспективам исследования относится теоретическая (постулирующая своим предметом концепт «скука» как в творчестве Чехова, так и в литературном контексте эпохи) и историко-литературная (изучение переводов Чехова на французский язык, сравнительный анализ повести Чехова и упомянутого романа А. Франса и др.) работа (С. 185).

Завершает диссертацию *список литературы* (242 наименования).

Отметим незначительные недочеты диссертационного исследования С. П. Соповой. К уже высказанным замечаниям можно присовокупить использование вторичных ссылок (С. 15 – ссылка на Эвен-Зохара по автореферату А. Н. Смирновой; С. 28 – Н. А. Хамитов цитируется по работе Л. В. Чесноковой, см. то же в автореферате на С. 11), повтор чеховской цитаты «Прежде я любил обед или был к нему равнодушен...» в пределах одного параграфа (С. 58, 67).

Диссертация написана хорошим языком, однако встречаются стилистические погрешности: плеоназм («его собственное самоощущение» С. 54); разрыв устойчивого словосочетания («крайне часто» по аналогии с «крайне редко», вместо уместных здесь наречий «чересчур», «очень» и т. п. С. 78); непривычное словоупотребление («неимение [лучше: отсутствие] естественных человеческих отношений» С. 92) и некоторые другие примеры. Впрочем, эти стилистические погрешности малочисленны. Хотелось бы, чтобы фамилии таких известных журнальных деятелей, как В. П. Буренин и А. С. Суворин, сопровождалась, хотя бы при первом упоминании, инициалами (С. 90, 95, 96). Чеховское слово «мерлехлондия» по своему значению, по-видимому, даже по созвучию, ближе к разговорному «мерехлондия» (меланхолия, упадок духа, уныние, грустное настроение),

чем предлагаемое в диссертации толкование его как синонима «скуки» (С. 35). Оно скорее отражает одно из коннотативных, но не денотативное значение «скуки».

Сделанные замечания, однако, не умаляют научной ценности рецензируемой диссертации и носят рекомендательный характер.

Положения и выводы диссертации С. П. Соповой научно обоснованны и состоятельны.

Практическая значимость рецензируемой диссертации заключается в возможности использования ее результатов в спецкурсах, посвященных творчеству Чехова: проблемам его поэтики, перевода его произведений на французский язык, русско-французским литературным связям, а также в издательской практике (научный комментарий к повести «Скучная история»).

Автореферат отражает основное содержание, теоретическую и научно-практическую значимость диссертации.

Опубликованные по теме диссертации статьи (6, из них 3 в рекомендованных ВАК РФ изданиях) в полной мере соответствуют её содержанию и основным выводам.

Диссертация написана автором самостоятельно, обладает внутренним единством и содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты и свидетельствующие о личном вкладе автора в литературоведение.

Предложенные автором диссертации решения аргументированы и развивают существующие в современном чеховедении положения.

Основные научные результаты диссертации опубликованы в рецензируемых научных изданиях: «Вестник ТПУ» и «Сибирский филологический журнал».

Сказанное позволяет прийти к заключению, что диссертация С. П. Соповой «Повесть А. П. Чехова “Скучная история” во французской рецепции» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», поскольку является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи по комплексному изучению франкоязычной рецепции повести А. П. Чехова «Скучная история» в единстве литературоведческого и переводоведческого аспектов, имеющей значение для развития концептологического направления в литературоведении.

Таким образом, автор диссертации, Светлана Петровна Сопова, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен доктором филологических наук, доцентом, зав. кафедрой литературы XIX–XX вв. Новосибирского государственного университета Людмилой Николаевной Синяковой, заслушан и обсуждён на заседании кафедры 20 января 2014 г., протокол № 1.

Заведующий кафедрой литературы XIX–XX вв.

гуманитарного факультета

Федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования

«Новосибирский национальный исследовательский

государственный университет»

доктор филологических наук, доцент

Людмила Николаевна Синякова

Россия, 630090, Новосибирская область,

г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

Тел: 8 (383) 363 42 30

E-mail: scholast@ngs.ru

